

ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ — ДОМОЙ.

Фото-этиюд для „ОГОНЬКА“ Форснова.

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Гверская, Благовещ. пер., 3. Тел. 4-80-08, 86-77. ЭКСПЕДИЦИЯ: Б. Дмятр., 17, тл. 57. Тел. 41-88. Телеграф. адрес: „Москва ОГОНЕК“. Тариф об'явл.: 1 стр.,—40 черв., 1/4 стр.—20 черв., 1/2 стр.—10 черв., 1 строка вниз, в 1 кол.—80 черв. коп. На обложке—на 50% дороже. Срез текста—в 2 раза дор. Сверхтарифа—15%, налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА отк ыта с 11—5 ч.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за один месяц—50 к. На год, считая с 1 апр.—5 р. За прежние месяцы—по 70 к. Долгосрочная рассрочка в 3 срока: до 1 апр. 2 руб., до 1 июня 2 руб. и до 1 авг. 1 руб. За границу: на 1 мес.—35 цент, 1 кв.—10 цент или в повестке на соотв. месги. вагогу. Подписка на „Огонек“ принимается во всех почт. телегр. учреждениях и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

АНГЛО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Фот. Петра Олупа.

На днях в Лондоне открываются переговоры между Советским Союзом и Англией. Главным вопросом на этих переговорах будет вопрос хозяйственный. Дело в том, что Советскому Союзу предлагается счет, примерно, на одиннадцать миллионов золотых рублей, включая 6 проц. с 1925 г. по нынешнее время. Правительство Англии с своей стороны предлагает Англии свои услуги—представит.

В состав английской делегации вошли (сидят слева направо): Кутузов, Иван Иванович, член ЦИК СССР, член Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, председатель центрального комитета профессионального союза текстильщиков—член делегации. Логанов, Николай Иванович, член ЦИК СССР, заместитель народного комиссара по иностранным делам—член делегации. Томский, Михаил Павлович, член делегации ЦИК СССР, председатель Всероссийского Центрального Совета

Профессиональных Союзов—член делегации. Раковский, Христиан Георгиевич, член президиума ЦИК СССР, заместитель народного комиссара по иностранным делам, поверенный в делах СССР в Англии—председатель делегации. Ротштейн, Федор Ааронович, член Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, член коллегии НККИД—генеральный секретарь делегации. Преображенский, Евгений Александрович, член коллегии Народного Комиссариата Финансов—член делегации. Стоит слева—направо: Житнов, Иван Алексеевич, член ЦИК СССР, член центрального комитета профессионального союза железнодорожников—член делегации. Радченко, Андрей Федорович, член ЦИК СССР, председатель губернского совета профессиональных союзов Донецкого бассейна—член делегации. Шейнман, Абрам Львович, член коллегии Наркомфина, директор Государственного банка СССР—член делегации. Шварник, Николай Михайлович, народный комиссар Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, член центрального комитета

всероссийского союза металлистов—член делегации. Внизу: Ф. А. Ротштейн и Х. Г. Раковский за работой.

Стихотворение Мих. Герасимова.

Любовь—весенний светлый ливень.
Прозрачные небеса,
Дрожание радуги счастливой
От счастья влажные глаза

Биение милых, жарких жилкок
В них цветенье и лучи.
Сердце с ласковой силой
Певуче бьется и стучит.

Не понять и не измерить
Струенья солнца и любви.
Кто может океан умерить
И бег планет остановить

Страшно с этой тайной слиться,
Пасть в сияющий туман.
Как может в эту грудь вместиться
Любви небесный океан.

Какая музыка волненья
Душистым ливнем льется в грудь.
И как бы нам сосуд цветенья
Не расплеснуть, не расплеснуть.

Жить тобой моя любимая—
Сиянье радуг вечно пить.
А счастье тайное, незримое
Не может крылья опалить.

Мих. Герасимов.

ПОМПЕЙ

Рассказ Вл. Лидина.

Портновский глаз так устроен: лицеванную вещь сразу видит. И одет заказчик будто что надо, башмак остроносый, другого машина у ворот ожидает,—а все не то уже—на правой стороне шовчик: лицеванный человек. И жизнь такая же стала: все будто прежнее, магазины открыты, трамваи ходят, а присмотришься: шовчик. Бухгалтер из гума прямо говорит: — Нет, Помпей, образования в России. Невежество. Вот ты, например: кто теперь тебя знает, какой ты есть портной Помпей Скрябин, а раньше и без вывески заказчик ходил. Нет в России настоящему человеку ходу. Разве я когда жилетку на зад пу-скал—протрутся штаны—скинешь, а теперь—протерлись, гони жилетку на зад, ходи зимой без жилета, как спортсмен какой.

И как придет, работы не столько даст, сколько разбередит. То, мол, да се, да насчет революции,—лицеванный человек.—И разбередил, да так разбередил, что жизнь всю на тырчок поставил. Сидел Помпей раз по-турецки, турецкое мурлыкал свое, как все портные мурлычат, пускай Делосы да Досы штаны американские кроят, черную биржу одевают,—есть лицевать что—и ладно. Голова у Помпея—шишками, шишки—ёрткие, все ворочается: портновская дума—нелегкая. Приходит бухгалтер из гума—сумрачный такой: не лицевать уже, а сюртук на продажу приносит—хороший сюртук, петуховский,—сам желтый, пузры под глазами:—Ревизия, говорит, отстранили, другие елозят, а ты—отвечай.—Ну, и стал с желтизны своей беречь: сидишь ты, мол, по-турецки, и жизнь вся твоя—турецкая, ничего ты не видишь, кроме утюга да аршина, а я бы с такой фамилией давно в люди вышел, на концерты бы даром ходил, в театры—шутка сказать: Скрябин.

— Как так?—Помпей спросил.
— Да ведь у тебя фамилия какая—самая что ни на есть музыкальная, ступай в консерваторию али в филармонию—скажи: я—Скрябин. Сейчас же тебя на первое место, уважение, буфет бесплатно, первый человек. А то сиди—зад просиживай, любуйся на утюг.

И бывает же так: западет человеку в голову что, не вытрясешь. Ушел бухгалтер, сидит Помпей—видит: утюг духовой, носатый, из носдри угаром чадит, шуба на манекене висит, за окном ноги шваркают—одни ноги и видно: да в ботицах все, а другой каблучек простукает, ровно копытце в меху. Идут все ноги нивесь куда—и так вдруг другой захотелось жизни, и утюг опостылел носатый, и окошпо промозглое—за ним и весной—ноябрь... итти бы вот так—не спеша, посвистывать, или извозчика нанять, или на трамвае круг сделать, а то сиди все—партачь, знай.

Запало Помпею: придти в концерт, сказать—я Скрябин—сейчас заелозят, засуетятся, на первое место—пожалуйте. Раскачал портновскую душу бухгалтер, сидит в душе—лемех, не выгвоздись. А за окном—ботинки женские, знай—похрустывают—

концертные все ножки, не как у бабищи какой сивой. Вечером стал Помпей сюртук бухгалтеров надевать, шубу заказчика надел, в зеркало раз-другой окнулся. Жена говорит:

— Ты что, при своих ли? Куда собрался, шубу надел?

А Помпей бородку расчесывает.

— В концерт иду. Довольно мне днем партачить. Стану я с своей фамилией продавать.

Жена в голос:—Помпеюшка... да кто же тебя попутал... был человек в уме светлом, двадцать лет прожили—какие тут концерты.

А Помпей вот как камень: и никогда, кажется, не был таким, а теперь—киркой не возьмешь.

— Иду в концерт. Довольно с меня невежества. Потрудитесь посторониться.

И пошел—прямо по Никитской, в консерваторию: идет, себя в стекле видит—солидный человек, другая дамочка нет-нет да глаз скосит, посмотрит. Народу в консерватории тысяча, за билетами—черед. Помпей прямо к служителю:

— Где у вас тут управляющий?

Служитель видит: шуба на распашку, сюртук.—По коридору, направо, вторая дверь.

За столом человек сидит, бумаги вороочает, стеклами блестя—оробел даже сначала Помпей.

— Вы управляющий?

— Я.

— Нельзя ли мне билет на сегодня... Я—Скрябин.

Как сказал, управляющего ровно сду-нуло:—Садитесь, пожалуйста. Очень приятно. Сразу по сходству видно... Сейчас все устроим.—Звонок нажал, служитель:—Вот господин Скрябина... второй ряд, слева,—а сам все пробормотал—кланяется. Служитель сейчас же шубу принял, номерок—вошел Помпей в залу: свету, мрамору, плеч голых... Скрипки жужжат, как жуки, трубы скулят—даже в глазах померкло. Тепло, простору—дама с плечом голым глаз скосила. Фрак палочкой постукал, началось: как в раю—залило прямо, и фрак на капельмейстере сразу видно: не делосовский если, то уж дюшаровский непременно. Кончилось, похлопали, дама афишку уронила, поднял Помпей—спрашивает дама:—Ну, как вам симфония понравилась? А у самой бородавка—аппетитная такая, и три волоска в завивку.

Пришел Помпей домой—душа трубит, не отдышится:—Я теперь вроде снова родился. Музыка необходима человеку.—А жена—навзрыд.—Ничего,—утешил,—я и тебя с собой возьму. А плакать если—тдак по невежеству надо, по России.

И пошло с того дня: как вечер—сюртук надевает, шубу, управляющий за руку здоровается, пропуск пишет. Когда симфонические, когда пение, когда одна рояль—симфоний одних сколько, сонат—ас-дур, е-моль, не упомишь. Дама с бородавкой—соседка—тоже по пропуску:—Ах, говорит, вы господин Скрябин...

очень... очень...—Ничего вдова, ну и впечатлениями делаться, а раз Помпей даже до дому проводил.—Вы бы зашли когда... Чаю бы попили, о музыке поговорили.—Что ж, я с удовольствием

А потом и на утренние зачастил—в праздники, вдова и в театр пропуск достала—и в театр попал—закрутился Помпей, жена слез выплакала, заказчики ходить перестали—бухгалтер семь раз насчет сюртука заходил: как зайдет—пустой шесток, одна жена навзрыд.—Не запил ли он?—Рукой машет.—С ума, что ли сошел?—Полила.—Вроде. На музыку с ума сошел. Концерты да театры, да все в вашей сюртуке.—Бухгартер даже за печень взялся.—Как в моем?—Женщина, конечно, глупая, все рассказала.

— А я к нему доверье имел. Нет, кончили на Руси честные люди. Одни мошенники остались. Из-за мошенников и я пострадал, под суд попадаю. Где он мошенник?

— Симфонию слушает. Управляющий билеты дает. Дом как есть—гол, а он все—слушает. Фамилия—говорит—у меня какая. А что фамилия—заказчики по работе судят, а не по фамилии. И последние отступились.

Бухгалтер боты крепко ставил, шел—желтый, прямо—в консерваторию. Прямо—к управляющему.

— Вы—управляющий?—Я.—Я—бухгалтер гума, в отпуску. Это вы портного Скрябина с толку сбили, даром билеты даете? А он, мошенник, в моем сюртуке ходит, жену заморил, работу с музыки бросил. Где у вас тут ячейка?—так расшумелся.

Управляющий говорит:—Вы, гражданин бухгалтер, не шумите, мы это дело расследуем.

В антракте видит Помпей—управляющий пальчиком его манит, за собой, дверь прикрил.—Садитесь. Вы Скрябин?—Я.—А бухгалтер в углу не выдержал:—Он, мошенник, он! В моем сюртуке.—Ну, до-свиданья. Ошибочка вышла. Спасибо гражданину бухгалтеру за раз'яснение. Желаете концерты посещать—билеты в кассе, как прочие граждане.—А у самого стекла ровно стрекоты—чирк-чирк.

Бухгалтер прямо:—Снимай сюртук.

— Как же я, Гаврил Петрович, без сюртука пойду.

— А мне какое дело. Снимай.

— На улице сниму. Не позорьте, Гаврил Петрович.

Вшли на улицу, в ворота зашли, снял Помпей сюртук. Пришел домой, увидела жена подтяжки—головой в подушку нырнула, во весь голос.

Сидит Помпей на верстаке—желтый, глаза пустые, шишки ходят.

— Пропаду я теперь. Мне без музыки—теперь никак нельзя. Отравленный я человек. Дура, разве ты поймешь, например, симфония па-те-тик.—И заплакал.

Вл. Лидин.

Борьба вокруг халифата в Турции

Фот. А. Гарлинга и Дж. Грауденц.

Укрепляя молодую республику, Национальное Собрание Турции упразднило один средневековый пережиток: интересам новой турецкой государственности все время противоречило существование халифата, замещавшегося членами «парвустюющей фамилии» Османов, содержавшегося на средства казны и всячески, в мечтах о былом могуществе, тормозившего проведение исходивших из Анголы мероприятий. Халифу Абдул Меджиду было предписано оставить пределы Турции.

Эта борьба не осталась без отклика во всем мусульманском мире. Довно утря момент, извлекла Англия на политическую арену своего старейшего вассала, арабского шейха Гуссейна, господствующего над священными для каждого мусульманина городами Меккой и Медной. В политическом лагере министерств, об'явил, получающий до сих пор громадные английские субсидии, Гуссейн себя халифом, чтобы затем

«Меняя его личности, повидимому, не столь велико среди сотен миллионов населяющих земной шар мусульман. Через несколько дней после провозглашения Гуссейна, свои права на халифат поспешил заявить другой претендент, тоже «пенсционер» Англии, египетский хедив Фуад. Мусульмане-граждане СССР, в лице своего духовного главы уфимского муфтия, заявили, что не признают кандидатуры Гуссейна; они считают в халифа должен быть избран на всесоюзном с'езде. Влиятельные мусульманские страны, как Индия и Марокко, имеют ввиду выставить своих претендентов на освященный поэтической давностью и пышностью 1001 ночи, теперь только формальный титул.

Тем же самым известия о кровавых боях между приверженцами тех или иных—пока-что—халифов на час—не явятся неожиданными. Восток—Новая Антантинополь. Последний Селамлик (праздник с торжественным следованием халифа в избранную здесь историческую мечеть Селим-Сейиди. Визит—время Селамлика. Принесение баранов в жертву. Справа в военном мундире—халиф Абдул-Меджид. На левом—халиф Абдул-Меджид на швейцарском курорте, откуда по всему свету распространяются его воззвания с протестом против нарушения «священных прав». На левом—внизу—египетский хедив Фуад. На правом—Шейх Гуссейн, провозгласивший себя халифом.

ЧЕЛЮСТИ БЛУДЛЭЙ

Рассказ Н. Огнева.

1

Поручик народной армии—а подметок нет, голые ступни целуют каменные плиты. Поручик народной армии—а желудок пуст вот уже третий день. Поручик народной армии—а вместо крова холодные, пустые, зеленые скамьи бульваров.

Выхватил на быстром ходу у мальчишки-цветника Berliner Tageblatt.

— Gratis gibt's kein Zeitung! Herr soll Zahlen!—орал обиженно газетчик в самые уши—но быстро-быстро не замечая толчков прохожих—по объявляемым глазам... Каждый день. Каждый день одно и то же. Когда же. Когда... Яростно, рискуя разорвать, потянул мальчишка газету к себе. Вот, кажется, вот...

Опытный

домашний камер-лакей
требуется—молодой, красивый
образован...

— Аааа, туды-тт твою,—по русски, злобно, смело: мальчишка вырвал-таки газету.

— Nur die Adresse,—вновь ухватил жирный заголовок и рванул к себе. Часть газеты осталась в руках мальчугана—и—истощным криком:

— Herr muss zahlen! Herr hat zerreißen,—но скорей-скорей,—пока не задержали; вот оно, вот:

...образованный...
...Вильгельмгассе, 35.

И дальше—в общем беге осатаневших людей, забыв мгновенно про истощный рев мальчишки сзади, обгоняя нелепые защитные котелки, выцветшие плечи пиджаков, грязные перелины кухарок...

Хотелось—давно, мучительно, страстно—жизни жирной, уютной, спокойной. Три года—невероятных, голодных, вогнавших в душу унижение, злобу, тоску, обиду—за что, за что, собственно?—легли на плечи измощающим гнетом.

Народная армия—озверяющее пьянство—женщины, женщины, женщины без конца—и опять пьянство и опять женщины—в промежутках расправы с мужичьем—это там, в России... Но, ведь, это делали все. Почему же страдает Дроздов.

Потом—Константинополь—Белград—Прага, и вот, наконец, этот истерический Берлин принял в себя крупное, когда-то породистое и белое, тело поручика Дроздова. Принял, но не кормил. Принял, но давал только грязную, черную, нищенски оплачиваемую работу. Принял, но влил в сердце самую лютую горечь—яд голодного унижения. Там—в Белграде—было

еще сносно. Третировали, но давали есть. Никто не виноват, что интриги в белградском снабженском управлении вызвали обвинение в расхищении казенных денег...

А здесь... Но сердце заколотилось неровно, тревожно, вопрозительно: Вильгельмгассе, не заметил, как добежал. Переулок, как переулок—таких много в северо-западной части Берлина. Ровные, спокойные дома. Жалюзи, кактусы на окнах. Жирные кактусы, их бы поджарить—и жевать, жевать, жевать до боли в челюстях... Но это—потом, потом... Раньше главное...

Дроздов обмахнул рукой нечто, бывшее когда-то френчем, вправил заплатку, нагло вылезавшую на колесе «бриджэй», глянул на себя в промелькнувшее мимо окно и, остановившись в воротах с тридцать пьтым номером, нажал кнопку звонка.

Сердце стучало:

— Быть—не быть, есть—не есть, быть—не быть, есть—не есть.

Горничная с плоским, обыкновенным, немецким лицом провсдила в гостинную; здесь сидело четверо: конкуренты... Через минуту она же вышла, протянула кусок картона с надписью каракулями: 10. Очередь... ну, значит, безнадежно. Прошло сколько-то тупого, нудного времени. Дроздов уныло поднялся уходить, но горничная киннула:

— Bitte, der Zahnte!...

Дроздов покосно повернулся, вошел под пыльную, малиновую портюру. В темной спальне, в пышной постели сидела старая оливковая обезьяна. Дроздов пригляделся, понял: негритоска. Увидев Дроздова, она протянула руку и странно забурлыкала ртом:

— Ууууу-де-де-де-де-де.

Сговорились быстро.

2.

У мистрисс Блудлэй был отвислый живот и груди, болтавшиеся, как два куска восковой бумаги. Покойный мистер Блудлэй имел какие-то плантации в штате Небраска, к

концу жизни ликвидировал дела и, набив карманы высокой валютой, явился вместе с женой употреблять в пищу Германию. Горничная так и сказала: Das Vaterland fressen... Умер американец, очевидно, обвешившись. Камер-лакей требовался на его место.

Дроздов устроился. Тело отдыхало от длительных, бесконечных голодовок, от немислмого томления, от оголтелой полировки берлинских улиц. Хорошо было то, что никуда не нужно было ходить... Есть и спать вволю. Нравилось Дроздову и то, что негритоска не стеснялась в расходах на еду: каждое утро горничная получала пук немецких кредиток и шла покупать еду без всяких очередей.—Живу, как шибер,—радовался Дроздов...

Странно было то, что мистрисс Блудлэй не давала ему денег. Впрочем, Дроздов и не просил. Негритоска не понимала ни по-русски, ни по-немецки; с остальными языками, не имел ничего общего Дроздов. Объяснялись знаками, движениями, прикосновениями. Прикосновения, однако, Дроздов по возможности сводил к минимуму—из-за шершавой и вонючей кожи негритоски.

С постели она не вставала—что-то нехорошее творилось с ногами. И это было самое противное. С другой стороны, всегда можно было уйти в гостинную, сесть в американскую качалку и не обращать внимания на призывные, тревожные крики из спальни:

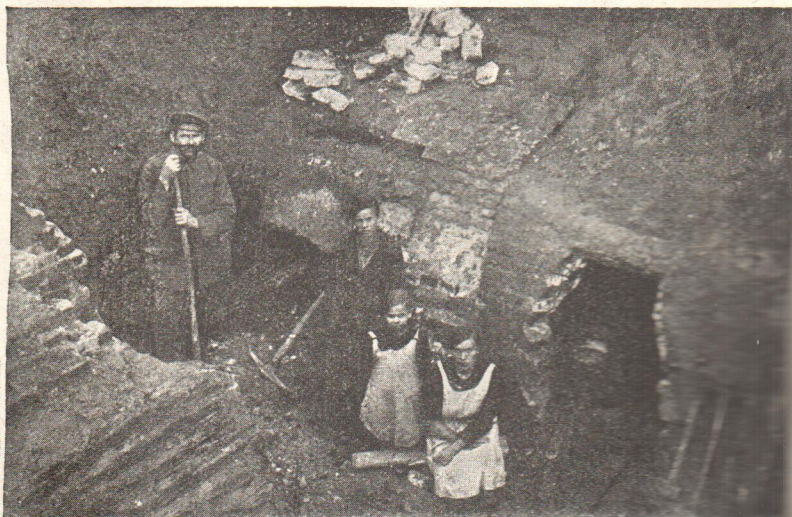
— У-де-де-де-де.

Дроздов отдыхал. Медленно, с наслаждением, читал русские и немецкие газеты. Следил за быстрым падением марки—и радовался. Немцев не любил; мысленно истреблял их, крошил на кусочки, как когда-то мужиков на юге России.

Мысли являлись в голову лениво и неуклюже—кусками серой ваты. Часто за-

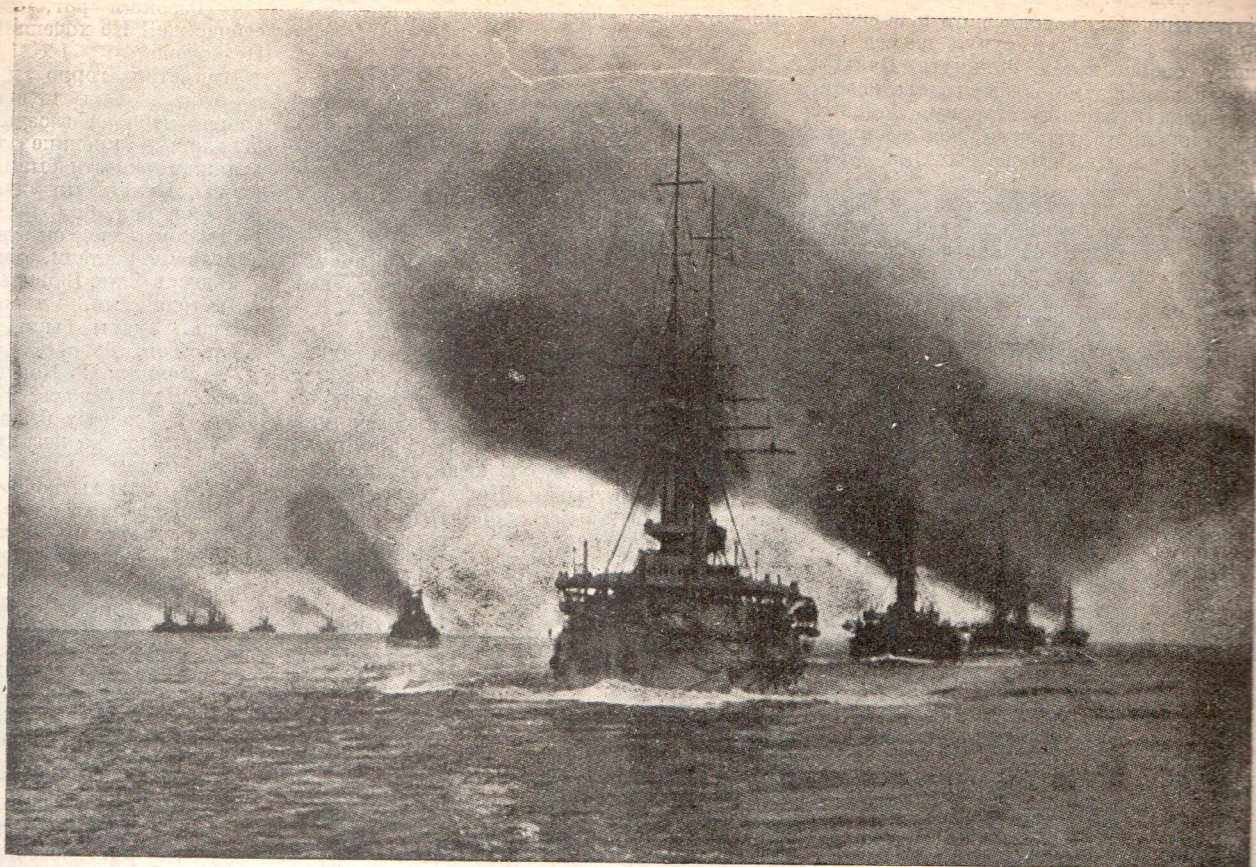
ЖУТКАЯ ГЕРМАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Фот. для «Огонька».

В берлинском «универмаге» Вергтейма сейчас организована выставка Межрабпома. Лучшие картины современной Германии выставили жуткие и страшные выразительности полотна, изображающие и трагические бедствия трудовой Германии. На выставке вывешены две фотографии, служащие дополнительным подтверждением тому, что на юге Германии, особенно в районе Рейна, спекулянтов).

Сверху—являющиеся выразительными картинами, изображающими жуткие и страшные бедствия трудовой Германии. Снизу—груда песка, служащая дополнительным подтверждением тому, что на юге Германии, особенно в районе Рейна, спекулянтов).

Редкий снимок дредноутов английской эскадры в канале Ламанш.

... начал в начале. Во сне виделись блестящие тро-... ряды вра-... окон и... по... улиц. Прос-... требовал у... чер-... кофе и вновь... передисты-... журналы, ища... о Рос-... А из спаль-... — медленным... скри-... — бульканьем... ручейка... — за какой-то чуд-... таитянский... доносилось: — Уууу-ле-ле-...
Сидя все это Дроздов надоело.

3.

Случайно узнал у... что были бриллианты, но мистрисс их... Может быть, есть еще. То-... в душу, в нер-... мед-... но неиз-... решение. — Мы не ангелы, а... — Да. Так и...
Пригласил к... за то, что долго ходит за... Про-... вон, не заметил, что порвал... возможность объясняться с... она и горничная как-то друг... В квартире остались жут-... мистрисс Блудлэй и Дроздов. Сам стал ходить за едой и газетами. Варил кофе, супы. Каждое утро негри-... механической привычке, доставала кредитки на еду. Но кр. дитки... и Дроздов сердился. — Куда, в черту, она прячет валюту и брил-... Марки, — видимо, запас их был... хранились в несгораемом... у... постели. Она отпи-... только тогда, когда Дроздов... в гостиной...

Подумал, — да, целый месяц он живет... марки не иссякают, несмотря

на то, что с каждым днем их приходится тратить все больше и больше. Целый поток марок. Океан марок. Должно быть, покойный Блудлэй перед смертью учел, как настоящий янки, и дебет, и кредит больной жены. Ее незнание языка. И наменял полный шкаф марок. — Или горничная продала бриллианты за марки, а не за валюту, как сделал бы всякий грамотный человек.
Негритоска любила Дроздова. Тосковала, изводилась без него, как больная собака. Когда он приходил и садился поодаль — ее нос начинал лосниться, синие белки сверкали. Обнажались громадные, белые зубы вплоть до ушей — эти челюсти оранг-утанга... А Дроздов крутил свои пушистые офицерские усы и думал

о том, как бы выманить у нее на миллион марок больше, чем обычно.
Ночью снились марки с необ'ятным количеством нулей. Какие-то странные кредитки длиной в полтора аршина, с розовым кукишем посередине.
Как-то не выдержал. Пришел, сел, глянул в упор. Сказал твердо и тихо: — Гельд.
Протянул руку. Негритоска жалобно тарачила белки.
— Давай ларжан, черная морда.
У негритоски выбились из-под чепчика густые, черные, седоватые волосы. Вдруг она словно поняла что-то, протянула руку: — Уууу-ле-ле-ле...
— Да ты не улеай, — стал все также тихо уговаривать Дроздов. — Ты, сволочь

На румынской границе. Голос бессарабцев

От нашего тираспольского корреспондента.

9 марта Тирасполь был свидетелем... захватывающего зрелища. Пришедшая толпа на-... в Тирас-... бессарабцев, бе-... от румынского... узнал о пред-... в Вене русско-... Социали-... Советская Бес-... «Долой ру-... над бес-...».

полнивших театр, в котором состоялось собрание.

Выступившие на русском и молдавском языках, бессарабские рабочие и крестьяне в пламенных словах рисовали печальные картины зверских издевательств румын над бессарабцами и призывали настойчиво требовать присоединения Бессарабии к Союзу ССР.

9 марта 1924 г. Бессарабцы у здания Тираспольского Райисполкома демонстрируют свой протест против захвата румынами Бессарабии.

Эта демонстрация — лучшее доказательство того, как румыны «близки и родственны» бессарабскому населению. Тысяча измученных голосов, через голову румын, бросает всему миру пламенный клич: — Спасите наши семьи. Отдайте нам нашу родину. Защищайте наше национальное право.
— Бессарабия — наша!

вдавая, не притворяйся. Деньги давай, черная стерва, гелд, ге моней.

— Ууу-ле-ле-ле...

Тогда Дроздов, изводясь от ненависти, сжал руку в кулак и сунул вперед без размаху, словно хотел толкнуть. Пальцы стукнулись о сжатые зубы, голова негритоски шарахнулась в сторону, большие ноги судорожно дрыгнули под одеялом. Дроздов встал. Негритоска выла, из зубов шла кровь с пеной.

Дроздову стало противно и скучно. Уйти без денег было нельзя, некуда. Вышел в кухню, поставил на спиртовку кофе. Ключ постоянно у нее в руках. Отнимать — закричит.

Что же делать? Убивать за три года отвык.

— Нгы-нгы-нгы-нгы, — непрерывно доносилось из спальни.

Стало невыносимо. Уходил надолго из дому. Уходя, запирает квартиру на ключ. Немцы, жившие в доме, при встречах носились. Бродил долго по улицам. Заходил в скверы, сидел. Газеты читать бросил. Созрелшее решение заполнило мозг, тело, нервы. Но приступить было противно.

Решил было взять измором. Готовил себе пищу, приходил и — дразня — ел на

глазах Блудлэй. Чавкал. Пожирал. Нарочно тянул процесседы. Молод зубами кроличьи косточки. Негритоска прятала лицо, худела, ключа не отдавала.

4

...Ворвался в спальню в тот момент, когда негритоска доставала из шкафчика кредитки. Стремглав упал на постель — но руку чуть не прихлопнула массивная дверца. Замок щелкнул — ключа в нем не было. Услышал укоризненное:

— Ууу-ле-ле-ле...

Заскрипел зубами над противной орангутанжьей мордой. Схватил за руку, вывернул — ключа не было. Долго бил кулаком по темени:

— Где ключ? Отдай. Отдай. Ключ отдай. Gib ab den ключ.

Негритоска тихо стонала. Схватил за горло, стал душить, медленно сжимая пальцы. Внезапно стало жалко, противно, тошно. Выпустил худую шею, сел на кровати, словно отдыхая. Негритоска неожиданым быстрым, вороватым движением руки из под одеяла бросила что-то себе в рот.

— Аааа, ты так...

Вновь схватил за горло, затряс изо всей силы.

— Разожми рот, стерва, рот разожми сейчас же!! Не хочешь!! Не хочешь? Аааа! Не хочешь?

Выпустил горло и кулаком тюкнул в зубы... Бил медленно, методически, словно забивая гвоздь. Челюсти не поддавались, — крепкие таитянские, орангутанжьей челюсти были крепки и непроницаемы. Кулак был уже в крови, но Дроздов бил, бил, бил, не переставая, уже забыв о том, зачем он это делает. — Внезапно сорвался с постели, замер, прислушиваясь.

В дверь били. В дверь стучали тоже ровно и методически, тоже — словно вбивая гвоздь. Удары были властные, крепкие: хлоп. Топ. Трап. Трап.

— Полиция?! Конечно, полиция. Бежать. Куда бежать? Как бежать?! Выход один. Но почему бежать?!

Обернулся на негритоску: должно-быть, жива, дышит, дышит. Но морда изуродована. В окно высочить, что ли?

Сдерживая дыхание, на цыпочках подобрался к окну, взглянул:

Ряды, — серые, стройные. Надпись на кровавом плакате плывет вверх:

— 12 Berliner arbeiterhundert.

— 1 doll r=10.000.000 Mark.

Значит, это не полиция. Значит, это не в дверь. Это о плиты мостовой стучат деревянные подошвы рабочих. Восковые лица одинаковы. Глаза куда-то в одну точку сходятся у всех. Эта точка впереди. Вот они и идут вперед: хлоп. Топ. Трап. Это Революция стучит. Это Революция идет. Берлин взбесился. Весь мир взбесился, когда такому хорошему, такому спокойному, такому мало требующему Дроздову — нет места в мире? Ведь, вот — эта негритоска — последнее.

Подожел к постели, взял подбородок Блудлэй, дернул книзу. Рот раскрылся. С отвращением сунул Дроздов руку в рот. Шарил долго, ключа не было. Проглотила? — В руки лезли выбитые зубы, еще — что-то мягкое, скользкое. Ухватил, вытащил: ладонка. Подошел к окну, разорвал: в ладонке был пахучий порошок. Яд. — что ли?

Сходил в кухню, принес молоток и клещи. Шкаф был привинчен к стене. Сдвинул слабо шевелившееся тело Блудлэй в сторону, влез на кровать, принялся взламывать дверцу шкафчика. Возился долго, до пота. Наконец, дверка ёкнула, скрипнула, подалась.

В шкафчике не было ни валюты, ни бриллиантов. Был еще ворох марок, марок новеньких, с длинными рядами нулей, никому и никуда ненужных. Что же, — значит, весь мир сошелся, сдвинулся, сжался крепкими, железными, орангутанжьими челюстями Блудлэй?!!

Набил марками карман, вышел. Замокнул дверь.

За поворотом дружным треском в уши грохнули барабаны. В воздухе, между серыми домами, плыло знамя пятнадцатой рабочей сотни. Вдали кровавились еще знамена.

Дроздов был жутко один и голоден.

Через час его задержали в ресторане, где он пообедал на два доллара и пытался уплатить марками.

— Еще один случай помешательства на почве падения марки, — сказал доктор в казенной лечебнице для сумасшедших.

Юбилей! Всероссийского Старосты

30-го марта исполнилось пятилетие с того дня, как осиротевший после смерти Я. М. Свердлова ВЦИК избрал ленинградского токаря по металлу М. И. Калинина своим председателем. Фигура и облик М. И. Калинина известны каждому человеку, — и не только в пределах СССР. Мы воспользовались мало известным снимком Михаила Ивановича с лицом Сокирко, недавно скончавшимся народным поэтом Украины, старым революционером и ближайшим помощником в его агитационных поездках по всему необъятному СССР.

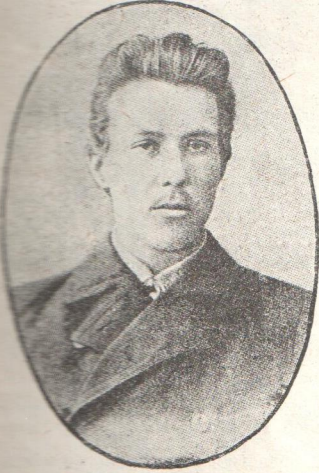
И. Огнев.

А. И. Рыков — студент.

От казанского корреспондента «Огонька».

«Дело № 137 канцелярии инспектора студента Императорского Казанского Университета о принятии в число студентов Императорского Алексея Ивановича Рыкова».

Под таким заголовком в белой папке архива Казанского имени В. И. Ленина Университета хранит документы, относящиеся к «студенческому» периоду жизни

А. И. Рыков в бытность студентом Казанского ун-та.

объяснить угловатость его манер, небрежность в костюме и грубоватый голос. Характер имеет неискренний и недостаточно устойчивый. В обращении с преподавателями нередко проявлял излишнюю развязность и в беседах с ними обнаруживал иногда некоторое свободомыслие...

5) Копия паспорта отца Рыкова — Ивана Ильича от 4/IX 1891 г., куда вписан в число остальных детей и Алексей Рыков — 41 лет.

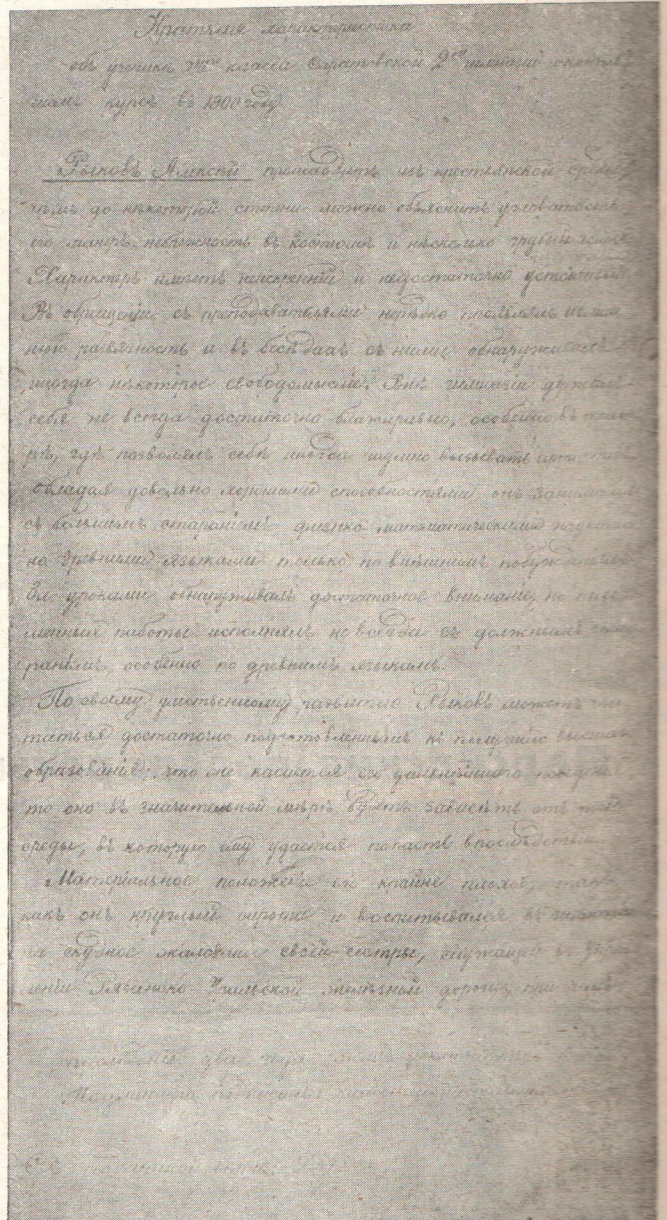
6) Справки студенческой и главной библиотеки Казанского ун-та от 15/III 1901 г. о том, что за студентом А. Рыковым книг не числится.

7) Свидетельство № 985 от 17/VII 1901 г., выданное правлением ун-та в том, что А. И. Рыков был студентом юридического факультета с 16/VIII—1900 по 19/II—1901 г. с зачетом осеннего полугодия 1900 г. — «...ныне он, Рыков, на основании п. 1 особых правил, утвержденных г. Министром Народного Просвещения 14 мая 1882 г., из числа студентов Императорского Казанского Университета выбыл». — В упомянутом свидетельстве, с которым А. И. Рыков бежал впоследствии за границу из ссылки 8 декабря 1910 г., было выдано на основании его письма от 1 мая 1910 г. в правление ун-та, которое так же имеется в деле.

8) И последний в деле документ: «В 1900 году по окончании 2-ой саратовской гимназии я поступил на юридический факультет вверенного Вам уни-та. В 1901 г. я был привлечен в административном порядке к дознанию по подозрению в участии в Казанской рабочей организации, был заключен под стражу, а затем выслан в г. Саратов.

Находясь ныне в административной ссылке в г. Пинега, Архангельской губ., я должен представить какое либо свидетельство о своем образовательном цензе для получения казенного пособия. Но университетское свидетельство было давно мной утеряно, аттестат же зрелости находится в канцелярии Казанского ун-та. Ввиду этого прошу выслать мне или местному исправнику какое либо удостоверение о моем образовательном цензе. Прошу не замедлить высылкой удостоверения (или аттестата зрелости), так как без него здесь

выдается пособие, совершенно недостаточное для жизни, личных же средств заработка у меня нет.

Первая половина характеристики А. И. Рыкова.

Алексей Иванович Рыков (крестьянин Вятской губ., Яранского уезда, слободы Кукарки).

«...что же касается его дальнейшего поведения, то оно в значительной мере будет зависеть от той среды, в которую ему удастся попасть впоследствии...» — писал классный наставник Андроников в краткой характеристике А. И. Рыкова. «Дальнейшее поведение» А. И. Рыкова и среда, куда попал впоследствии и где работает он до сих пор, превзошли все его ожидания!

С. Бурдянский.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЦЕНА НА МЕСЯЦ 50 КОП.

ОТДЕЛЬНОГО № — 15 КОП.

СО ВСЕГО СВЕТА. ФОТО-ЖЕРТВЫ интервенции

Из фото-архива «Огонька»

Фот. В. П. Микулина.

Недавно в Москве начало свою деятельность «Общество содействия жертвам интервенции», ставящее своей задачей выявление многочисленных потерь, понесенных гражданами СССР от интервенции и предъявление исков интервентам. Газеты сообщают об интересе, который проявляют места ко всем сообщениям о деятельности общества и об открывающихся местных его отделениях.

Редакция «Огонька» приводит выше один из имеющихся в ее фото-архиве ярких фото-документов из области интервенции в Сибири. Чехи, англичане, поляки, французы, американцы, румыны, японцы, итальянцы, сербы — посылали свои войска в Сибирь на поддержку колчаковского правительства.

Не поддержанное населением, колчаковское правительство быстро пало под натиском красных войск. Приводимый нами снимок сделан на следующий день после вступления передовых частей Красной армии в Новониколаевск (теперешняя сибирская столица) и изображает трупы товарищей, содержащихся в новониколаевской губернской тюрьме и зверски без суда расстрелянных белыми в ночь перед оставлением города 19 декабря 1919 г.

Как и в других местах, гражданская война в Сибири была вызвана и поддержана иностранными правительствами, на которые и падает ответственность за все потери, вызванные интервенцией.

Персидские перевороты

Фот. для «Огонька»

Л. Б. Красин в Харькове

Фот. В. П. Микулина

Неизвестно еще как повернутся персидские события. До сих пор персидскому премьеру Реза-хану и учрежденному еще при поддержке царских специалистов, жандармскому корпусу не удалось совладать с толпами народа, которому и Реза-хан и жандармы достаточно надоели. Персидский парламент (меджлис) высказался за окончательное изгнание шаха. Реза-хан, поддерживаемый англичанами называет себя даже республиканцем, лишь бы остаться у власти. Молодой шах поспешил скрыться в Париж, где уже много лет находится его низложенный отец. Юридически вся власть принадлежит меджлису, фактически же — Реза-хану и жандармам. И пока это «противоречие» не будет изжито, поло-

Народный Комиссар внешней торговли тов. Л. Б. Красин 19 марта вернулся из деловой поездки в Харьков, где он, помимо работы по Внешторгу, прочел несколько докладов в совнархозе и перед партийными собраниями.

жение в Персии чревато самыми неожиданными и, если судить по прежнему опыту, кровавыми возможностями.
На наших снимках: персидский премьер Реза-хан (в овале) и персидская гвардия, исполняющая, главным образом, полицейские обязанности.

ХРОНИКА „ОГОНЬКА“

Военная служба в Англии. Постройка английской выставки. Совет лиги наций. Немецкий талер.

Фот. А. Гарлинг и Дж. Грауденп.

Наверху—налево. Военная служба в Англии.—Дезертиры, при рабочем поведении разыскиваемые так же, как раньше, несмотря на то, что в Англии до сих пор не существует закона об обязательности военной службы и что она в принципе считается «добровольной».

Сверху—направо. Постройка английской выставки. Этим летом в Лондоне открывается всемирная выставка, задуманная и осуществляемая в грандиозных масштабах. «Огонек» воспроизводит общий вид выставочной территории, отмечая область некоторых уже готовых павильонов и целых кварталов с видами московской выставки 1923 года.

Среднее.—Совет лиги наций, на своей последней сессии принявший важные решения по данцинскому, мемельскому и дальнему вопросам и, как всегда, по указке Франции и Англии распорядившийся судьбами «малых народов». На первом плане сидят—слева направо: швейцарский министр, когда-то один из вождей социализма, Брантинг, прославленный недавними разоблачениями Бенеш и представленные для полноты картины делегаты Бразилии и Испании, почему-то обсуждающие мемельские и виленьские дела. Направо отдельно—председатель совета, делегат Англии, лорд Паркур.

Внизу.—Немецкий талер. Новые серебряные деньги, выпускаемые германским правительством впервые после 1914 года.

Первый Всесоюзный съезд пролетарского студенчества в Москве.

Беглецы из-под ига бояр

От тираспольского корреспондента «Огонька».

Бегущие из Румынии и Бессарабии от террора «бояр» находят у нас приют. Десятками и сотнями бессарабские граждане, во имя спасения своей жизни, оставляют свою родину, свои семьи, свое добро—и бегут на левый берег Днестра.

Тяжелое бедственное положение прибывающих к нам бессарабских эмигрантов вызвало необходимость в организации для них приюта и нужной материальной помощи.

Такой пограничный приют организован вблизи Тирасполя, в специально отведенном Совхозе. Последний обладает 26-ю десятинами земли, небольшим садом, живым и мертвым инвентарем. Имеется также фонд в 400 пудов зерна.

Полит-эмигранты не сидят сложа руки: они дружно работают и образцово ведут хозяйство Совхоза (обработка земли, очистка деревьев, насаждение виноградных саженцев, плетение рогож и пр.). Имеется небольшая библиотека, в которой, помимо газет и журналов, имеется и коммунистическая лите-

ратура. Создан также «красный уголок», где ведутся полит-занятия специально прикрепленным полит-работником.

Среди полит-эмигрантов имеются люди с богатым революционным прошлым. Есть среди них герои знаменитых кишиневских процессов: «108-ми», «205-ти», «37-ми»; есть два каторжанина, из которых один был осужден на 5 лет каторжных работ, но на 3-й год решил «амнистироваться»—и бежал с каторги; другой тоже бежал из кишиневской тюрьмы.

* * *

— За 6 лет румынской оккупации,—рассказывают полит-эмигранты,— сотни наших лучших товарищей были ввергнуты в каменные мешки кишиневской централки, где румынская буржуазия надеялась их искалечить и выбить из них коммунистическую заразу. В действительности же «централка» послужила для нас школой полит-вспитания, кузницей революционной закалки.

Ис. Черный.

Полит-эмигранты за работой на совхозе Общества взаимопомощи полит-эмиграции. Уполномоченный О-ва—т. Потемкин, зав. совхозом.—т. Семенов и полит-работник среди эмигрантов—т. Краснов.

— Будем теперь учить теорию революционной борьбы,—говорят полит-эмигранты,—практику мы уже прошли!..

На ледоколе „Ленин“

От корреспондента «Огонька».

1.

Командир «Ленина» утверждает, что это лучший ледокол в мире. Он был закон-

стоял. Но первая ночь ушла на выводку судов в морской канал к деревянному мосту (вблизи Ораниенбаума), который разбирается только к полуночи. В первый день дул норд-ост и мятель, свирепствовавшая на море, сжимала канал, заставляя ледокол делать одну и ту же работу несколько раз.

2

От Невского ковша до Соммерса — сплошной плотный лед. Толщина его от 4 — 6 дюймов, поверхность его представляет гладкое ледяное поле, запорошенное рыхлым снегом. Чернеют отдельные места — полыньи. Ветер согнал с них льдистые наслоения и обнажил прозрачные про-

талины. В этих местах лед не смешанный. Это значит, что здесь только лед ново-

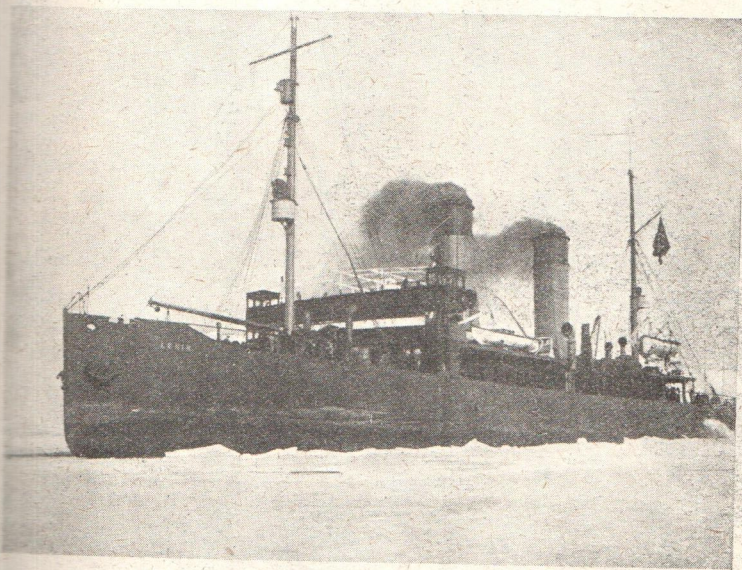
зает носом на лед и подминает его под себя. Для неопытного глаза эти частые и ритмические колебания бронированного носа совершенно невидимы. Только и слышен непрерывный тяжелый и грохочущий треск. Когда сидишь в кают-компании, либо в кубрике, кажется что это теплушечный состав мчится полным ходом по рельсам. Выглянешь в иллюминатор и с разочарованием замечаешь, что мы двигаемся со скоростью двух узлов.

А за кормой, сталкиваются и, наползая одна на другую, плавают льдины. Их захлестывает водоворот, творимый нашими винтами, они распарываются в мелкие клочки и походят на сало и шугу — легкие осенние льдины.

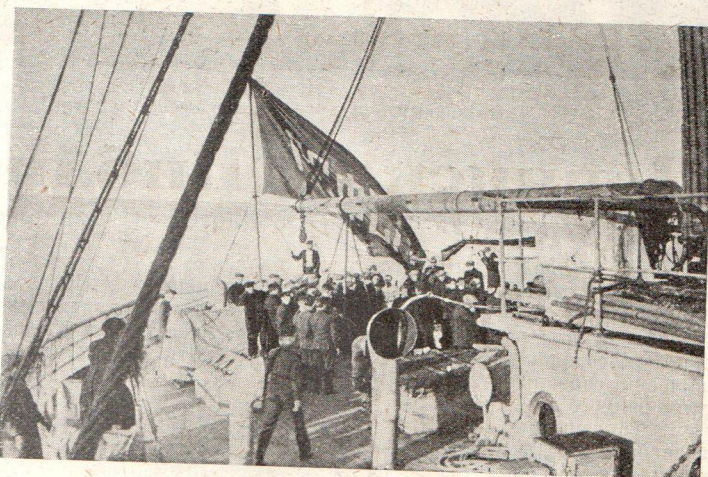
Мы оставляем Соммерский маяк в стороне и направляемся к Гогланду, к этому коварному острову, не зажегшему ночью маяка, что послужило причиной аварии «Красина». Последний врезался в береговые камни и понес тяжелые повреждения, сведенный с пути беззаботностью высшей власти безлюдного рыбачьего острова Гогланд, разделяющего Финляндию и Эстонию.

Участок от Соммерса до Гогланда самый тяжелый на нашем продолжительном и многотрудном пути. На расстояние в двадцать миль мы убиваем почти трое суток. Нам преграждают путь торосистые поля. Складчатые льды нанесенные сюда штормом, загнанные сюда береговыми ветрами, создают сотни преград.

Торосистое поле похоже на огромное, древнее, подуразваленное кладбище. Некоторые торосы кажутся мглистыми насыпями, малыми и большими курганами, другие склонились над ними и торчащи, стоймя, имеющие форму треугольника, ромба, трапеции, чертовски похожи на мраморные памятники и надмогильные, каменные плиты. С некоторых торосов ветер сдул снеговой покров, они стоят и лежат обнаженные, светло-синие, ослепительно-прозрачные. Чаще всего торосы за Гогландом истощаются. В этот наш рейс их поля тянутся до Стеншера и до Кокшера. От Кокшера до Наргена лед толщиной в 4—6 дюймов. А за Наргеном

Ледокол «Ленин».

На палубе «Ленина».

образовавшийся, февральский, между тем как севернее поздний зимний лед смешан с осенним.

Путь от Кронштадта до Соммерса ледокол проделывает очень быстро. Ведя на буксире «Тобольск», мы все же делаем 6 — 7 узлов в час. Англичанин «Каспер» (наша команда называет его «Каспаркой»), идет сам по проложенному нами каналу.

Прорубка канала до Соммерса оказывается в этот наш рейс для ледокола легкой работой. Этот канал существовал две недели и когда мы возвращались, мы нашли его только легко сжатым частыми и широкими полыньями.

Совсем незаметно, как ледокол напол-

«Пожарский» и «Минин» в Белом море.

кончается сплошной лед и начинается плывущий, дрейфующий.

С. Гезм.

чен постройкой в 1918 г. в Англии и стоил три с половиной миллиона рублей, т. е. дороже больше чем любое хорошо оборудованное коммерческое судно. Англичане воспользовались переворотом в России и ледокола не выдали. До 21 г. они плавали на нем сами, потом вернули его на основании договора, заключенного в Лондоне Красиным.

Ледокол отвечает всем требованиям благоустройства. Его винты сделаны из великопальной никкелевой стали, а такие винты встречаются редко. Он обладает носовой и кормовой машинами, радио-станцией, и буксирной лебедкой.

Команда состоит сплошь из старых моряков. Многие были на английской, немецкой, норвежской и американской службе. Нет ни одного из них — почти, который бы не знал нескольких языков.

Ледокол Ленин сейчас стоит во главе своей ледокольной кампании. На него возлагается самая ответственная работа, т. к. это единственное судно, которое ни в каких портах не застрянет.

Ледокол начал работать в 10 часов утра. Весь первый день ушел на разворачивание судов, окальвание их и выводку из Невского ковша в морской канал. Ковш тесный и замкнутый не дает возможности развернуться по настоящему и эта первая работа оказалась весьма хлопотливой. Помогал «Ленину» маленький ледокол «Трувор», часто застрявавший сам. Транспорты были бесцельно двинуты хотя бы на десять фут. ледяная оправа сковала их туго, обвивая вокруг них пласты складчатых льдов.

«Ленину» приходилось окальвать каждое судно и брать его на буксир. Суда к буксированию плохо приспособлены и тросы часто лопались. Совершенно неподготовленным оказался «Красный Петроград», пароход весьма старинной конструкции, прослуживший свыше 35 лет и переживавший и необычайно тощей и худой обшивкой. От него пришлось отказаться, так как в районе Стеншера он дал течь. Его отвезли на буксире в Кронштадт, где он сейчас ремонтируется. Поэтому помощь «Трувору» оказалась излишней и он ушел в стоянку, чтобы потом отправиться в совместное плавание с «Ермаком».

Большая работа на ледоколе считается небезопасной и чаще всего ночью «Ленин»

Читальный Зал в быв. Румянцовском музее.

Ленинская Библиотека

Статья для „Огонька“ директора Ленинской Библиотеки (Румянцовского Музея) *А. К. Виноградова*.

Задуманная зимою 1917 года полная реорганизация Государственного Румянцовского Музея, в настоящее время завершает свой первый, большой период — выводом с территории Музея тех отделов, которые, не будучи органически связаны с Библиотекою, переросли значение составных частей бывшего Музея. Такими частями являются: отдел этнографии и отдел искусств. Вся территория передается Библиотеке, получившей 24-го января этого года наименование Всероссийской Публичной Библиотеки имени *Ленина*. Располагая трехмиллионным книгохранилищем и обширным читальным залом, библиотека нынешней весной достраивает книгохранилище из железа и цемента на полмиллиона томов, и развешивает для своих семисот тысяч рукописей старого и нового письма кабинеты для занятий по отдельным литературным эпохам, по наиболее ярким литературным явлениям, ассоциируя рукопись и книгу. Это дает возможность изучать рукописный материал таким образом, каким только мировая Библиотека может это представить.

Имея книги от начала книгопечатания до наших дней, и развернув показательную выставку по истории книги, имея рукописи от древнейших времен до новейших поэтов, Ленинская Библиотека главным упором своей работы считает обширный зал, широко доступный семь дней в неделю, в течение полусуток.

Пропуская в день от двух до трех тысяч читателей, Ленинская Библиотека интересовалась их регистрацией лишь в той мере, в какой того требовала статистика и техника книжной выдачи, но два года тому назад значительное усиление злой

воли «читателей» повлекло за собою мероприятия строгого контрольного характера. Теперь Библиотека при регистрации требует непременно представления документа прописки, то-есть строго фор-

Директор Музея А. К. Виноградов.

мального установленного места жительства читателя. Таким образом, несколько бессознательных нерях и, вероятно, небольшое количество негодяев потребовали установки рогаток для читателя вообще. Для того, чтобы продемонстрировать

перед трудящимися массами результаты воровских ухищрений и неряшества этих «читателей», в стенах Читального Зала Ленинской Библиотеки, в ближайшее время будет слушаться громкое дело восьми книгоубийц и двуногих вредителей книги, с демонстрацией вещественных доказательств их преступного отношения к драгоценному и зачастую невознаградиво-испорченному ими народному достоянию. Перед слушателями процесса предстанут и бескорыстный маньяк из ученого мира коллекционерского типа, и книгопродавец, дающий заказы мальчишке-стрелку на выкрадывание нужных книг, и простой, не слишком квалифицированный как преступник, студент, вырезавший перочинным ножом из специального старого журнала страницы с расчетами трамвайной тяги, с тою целью, чтобы облегчить себе домашнюю работу, а одновременно с этим лишить конкурирующих товарищей возможности найти нужный, хорошо оплачиваемый материал. Все эти фигуры пройдут перед Судом.

Прокурором на суде выступает товарищ В. А. Кишкин, защитниками — Брусиловский и Синайский. Экспертизу ведут Директор Ленинской Библиотеки тов. А. К. Виноградов и библиотечарь 1-го Московского Университета тов. В. А. Штейн. Рядом помещены снимки с некоторых вещественных доказательств. Наиболее показательные экспертизы будут выставлены в витринах. К сожалению количество их так велико, что экспозиция их потребовала бы очень значительного пространства.

А. К. Виноградов.

В читальном зале

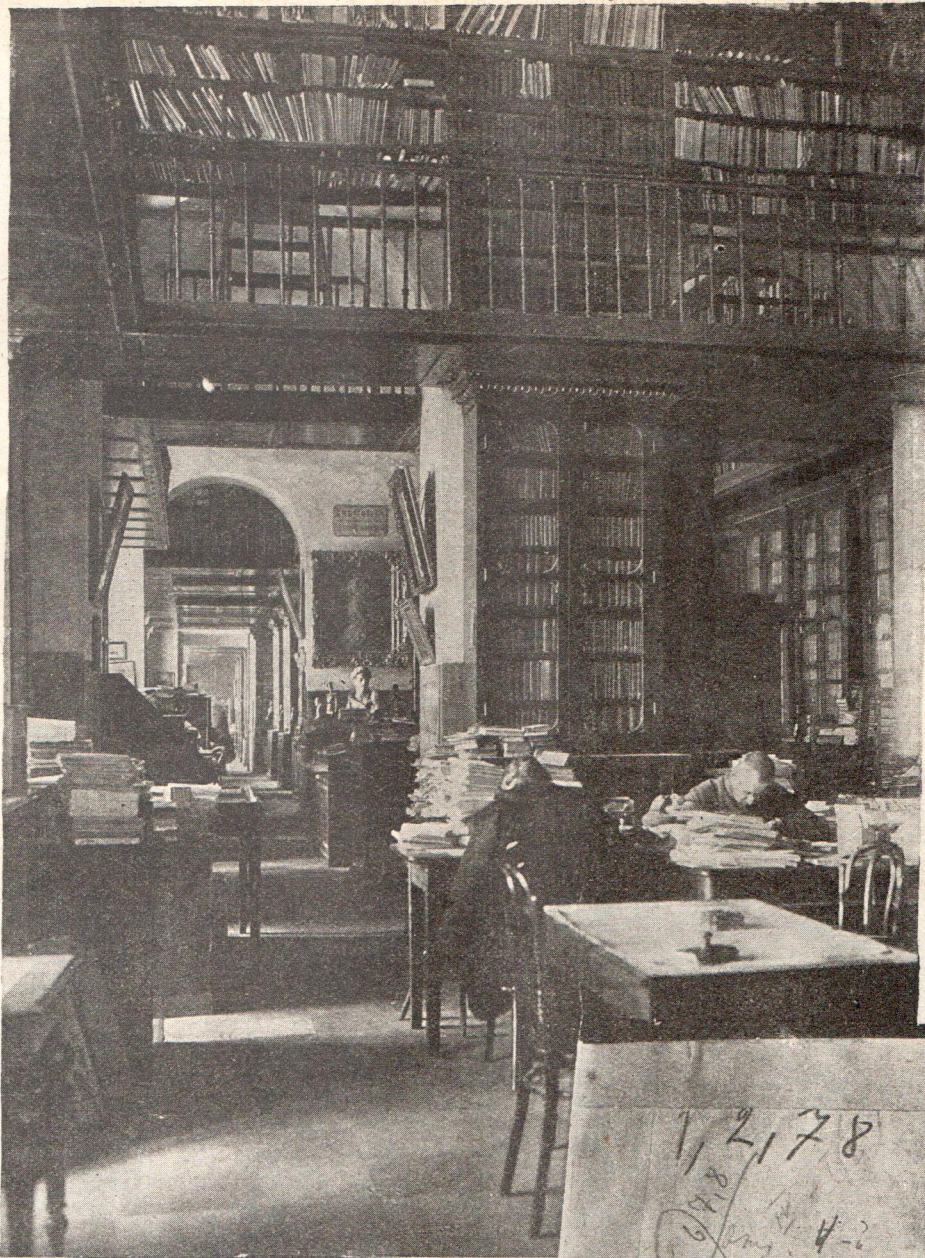
Очерк М. Тарловского.

Допустим, что вам нужно найти знакомого студента. Вы смотрите сейчас 12 часов дня. Искать на лекциях — рано. Искать в библиотеке — поздно. В столовой он еще не был. Куда же вы идете? Вы идете в Румянцовский музей. И в девяти случаях из десяти находите там своего знакомого. Он сидит в конце огромного зала над раскрытой книгой. Обгрызанный карандаш рассеянно бегает по темному линолеуму, выдвигая на нем следы, которые с приятным для глаза проворством тут же разглаживаются.

Сзади во всю длину зала такие же столы, такие же согнутые спины и такие же пары оловянных глаз, вскидываемые временами одна на другую, друг друга не видящие и ко всему безучастные.

Легкий шелест страши, мягкое скольжение стульев, сдержанный шопот и что то еще совершенно неуловимое сливаются в общее бормотанье, в пульсацию громадного мозга, в спокойное тиканье какого то коллективного интеллекта.

Утром, когда ворота еще закрыты, за полчаса до того, как раздвигаются их вельможные чугунные створки, на снегу у амбирных тумб появляются тени. Тени топчутся перед воротами и недоверчиво друг друга огляды-

вают. Наконец, одна ре-
шается и задает ехид-
ный вопрос: «Вы, то-
ариш, за Смитом?»

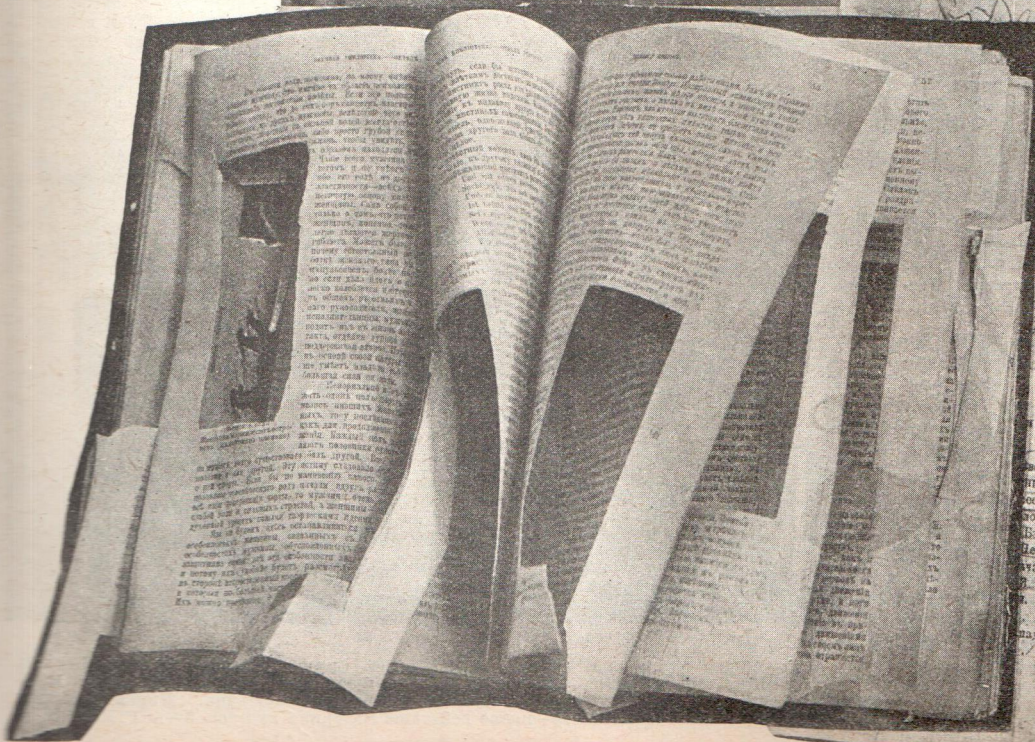
— Нет, отвечает про-
так, я за историче-
ским материализмом...
(А ехидная тень тоже
за историческим мате-
риализмом).

В библиотеке милли-
оны томов. И среди этих
миллионов два-три де-
сятка ободранных книг,
из за которых происхо-
дят неожиданные сцены.

Вкусы и требования
различны. Один точит
какую нибудь тощую
книжонку и ни в чем
кроме нее не нуждается.
Другой же ограждает
себя десятком томов от
сочувственных взгля-
дов соседей.

Это ежедневно. А еже-
годно — в первых чис-
лах студеного месяца
января — у входа в чи-
тальню хвосты за годо-
выми билетами, бумаж-
ки, расспросы, ответы
и жадное детское лю-
бопытство: — а легкий
ли мне дадут номер,
удобный ли для запо-
минания? Ведь его пе-
лый год придется пи-
сать на требовательных
листочках.

Забуду ли я когда
нибудь 1340-й и 152-й
номера?..

1, 2, 78
848
25/10/11
11
5-10: В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Э, Ю, Я, ∞
7-10: П, П, П, П
ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.
Два первых великих утопии.
Томас Мор. XVI в.
Томас Мор. XIV в.
Мора (4). — II. Жизнь Мора (5). — IV. „Утопия“ (11)
опин в истории социализма (23).

Фрэнсис Бэкон. XVI в.
Бэкон (30). — II. Философия Бэкона (32)
Бэкон (48). — IV. Героль сонна (50).

П. Жакот

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.
и демократо-социалистический течения в англ.
революция XVII в.
Бэкон (30). — II. Философия Бэкона (32)
Бэкон (48). — IV. Героль сонна (50).

П. Жакот

Наверху — хранилище редких книг Ленинской библиотеки.
Внизу — испробованные читателями книги.

„Гроза“ в Камерном театре

Очерк Г. И. Геронского.

Столетиями настаивавший быт Островского, трагедии теремов, шумная борьба мелочных характеров—не ушло ли теперь все это из русской жизни и во всяком случае—с русской сцены? Для чего и для кого можно сейчас ставить Островского?

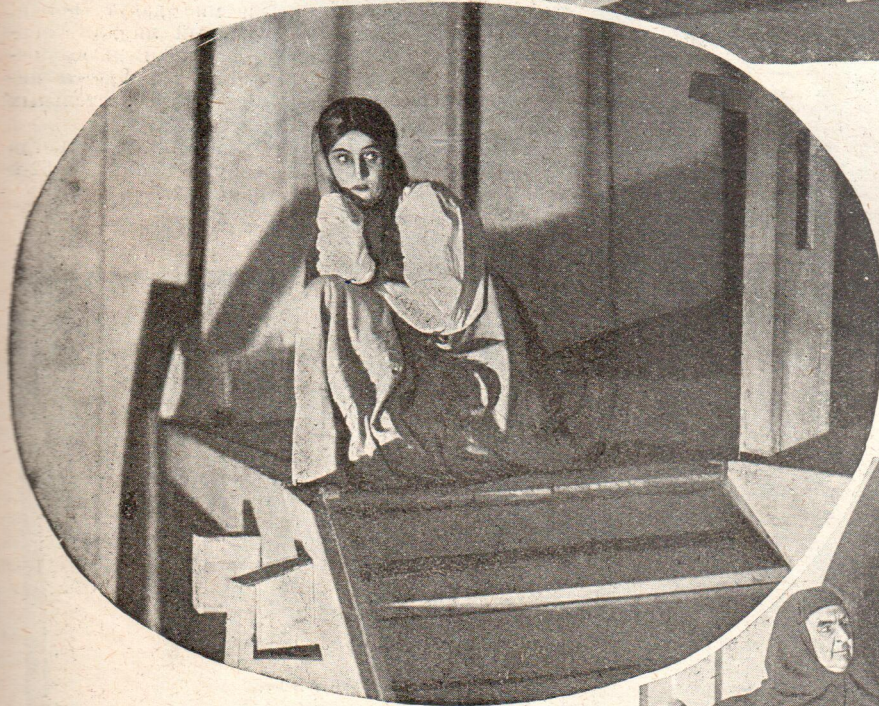
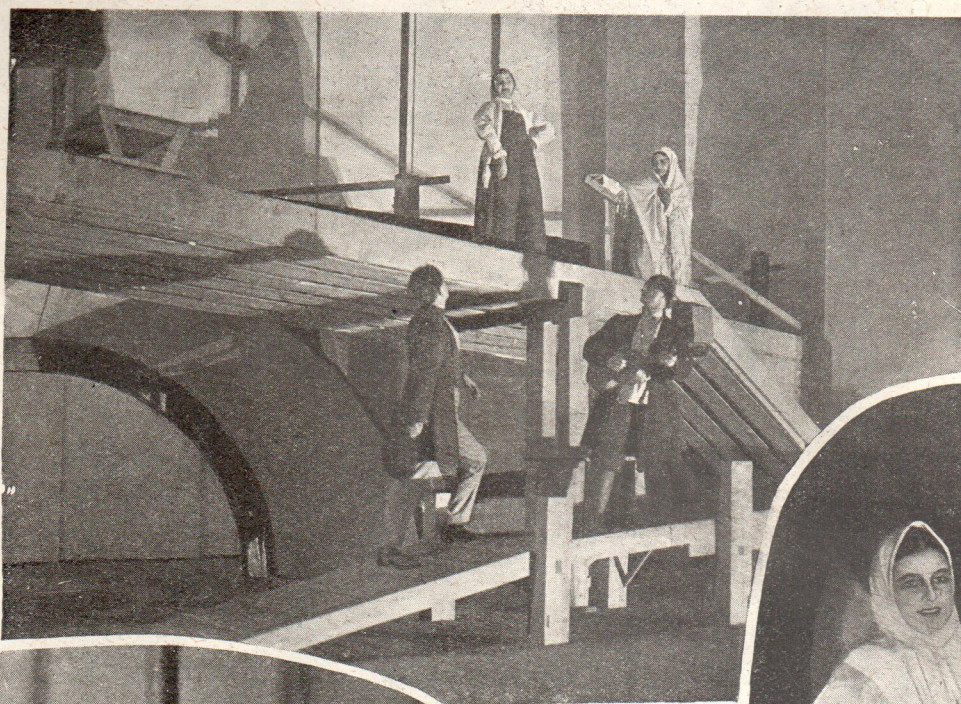
Некоторые сомнения вызвал опыт Мейерхольда. «Лес» в его обработке звучал, как подобало: спектакль вылился в сплошной вздох облегчения—наконец-то вышли из под гнета Островского, его быта, его морали; наконец то, смеясь над пьесой,—смеялись не по-гоголевски, над собой, а над уже изжитым прошлым. Выяснилось, что смех Островского, его комедии—на пару десятков лет пере-

скопированные поддевки и платочки; долго учились говорить по русски, окая и екая, отбросив традиционное завывание

ворота к реализму. В результате—показали очень среднюю, провинциальную, не волнующую «Грозу».

Фот. Отто Шмидта.

Никого не удача «Грозы» не поражает. Путанная идеология, разноречивое одновременно равняющегося и то Америке, и по глубинной Руси театра слишком велик, чтобы удивляли отдельные громы. Провал «Грозы» отмечается только по его выводам: нечего сейчас ставить «Грозу» без остроумных громоотводов, не нужно Камерному

вание новой сцены. Прodelали большую внутреннюю работу, слушали лекции об Островском, входили в роль и стиль. Убеждали себя в важности по-

жили автора, могут захватить и выдавшего не только театральные виды революционного зрителя.

Драмы Островского, «крепкий русский дух», заставлявший наших тетюшек и матушек немало сокрушаться и плакать не только в Малом театре,—трагедия самодурства—сейчас, повидимому, никому не нужна. Даже современная «Гроза» Камерного театра, последняя московская злоба дня, ничего, кроме широких ртов и скучающих зрительских взоров, к сожалению, не вызвала.

«Гроза» была подана на своеобразной, неплохо использованной сценической площадке. Катерину неплохо играла наиболее «современная» артистка русской сцены. Но площадка, как и Катерина, как некоторые «мистические» фигуры (барыня) выпадали из общего постановочного плана: во всем остальном спектакль должен был знаменовать поворот европейского, утонченного Камерного театра к совершенно ему ненужному реализму; поворот в свою очередь возник под влиянием заграничной поездки театра, сникшей ему успех и уважение всего левого искусства Запада.

«Камерные» актеры вдруг облеклись в точно

Наверху—общая установка. 4-й акт. У обрыва. Справа-налево: Катерина—Коолен, Кудряш—Ширский, Варвара—Егорова и Борис—Фердинандов. Ниже—направо: Катерина—Коолен и Варвара—Егорова. Внизу: Кабаниха—Любавина, Дикой—Аркадий и Варвара—Егорова. Налево—пятое действие: Катерина над рекой—А. Г. Коолен.

театру поворачивать вспять со своей старой дороги, так настойчиво копаться в обветшалых островски-былинных сокровищницах, даже не освещая их содержимого своими европейскими электрическими фонариками.

Геронский

Сандро Моисси

Фот. Отто Шмидта.

Один из величайших мировых трагиков, после успешных гастролей в Москве, выступавший в «Славянке», «Живом труппе», «Привидениях» и «Царе Эдипе» в Ленинграде.

Реклама на чужой счет

Фот. В. П. Микулина.

Наши доморощенные рекламисты по своему изобретательны. Накидывая на товары широкой необходимости сотни процентов, в деле рекламы «краскуны» первого и второго сорта стараются обойтись так, что еще на школьной скамье принято называть «га пушку».

Не так давно московское объединение «Моссельпром» расставило на московских заборах выезанные изображения человеческих голов, которые дружным хором указывают прохожему—куда идти за конфетами. Плакаты были сделаны Маяковским и Родченко.

Нечей купец, увидя рядом со своей торговой такую рекламу, рассу или по-своему: если можно «Моссельпрому»—почему же нельзя мне?... И намалевал под рекламой «Моссельпрома» свою собственную рекламу.

Последний удар по чернорубежикам

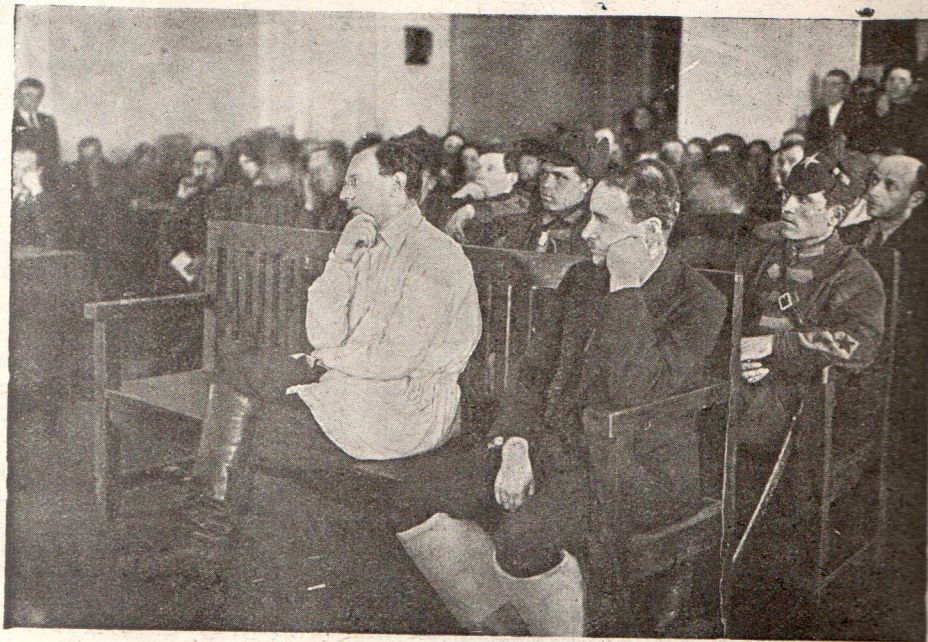
Фот. Форсиони.

Резиновые кассы для размена денег и продажи билетов, установленные в разных районах Москвы.

Редкое преступление

Фот. Отто Шмидта.

Зал суда. На передней скамье сидят подсудимые: справа Лурье, рядом с ним—Иоселевич—(в белой рубашке).

Судят инженера Иоселевича, убившего биржевого маклера Зернова. Иоселевич еще молодой человек: стройный, представительный с полным, выхоленным лицом. Окончил Политехникум в Дармштадте, знает чуть ли не все европейские языки, был управделом иностранного отдела ленинского исполкома...

Днем он играет на бирже, вечером в Казино. Игра поглощает спекулятивный заработок и деньги, получаемые из дому.

Иоселевич просит прийти к себе Зернова по важному делу. Последний является, захватив с собой 400 червонцев... Выстрел из револьвера, потом удар молотком по голове. Зернов мертв и по картинному выражению Иоселевича «производится заем из его бумажника».

Остается как нибудь избавиться от трупа. Иоселевич берет пять червонцев—из фонда завещанного покойным ему, покупает корзину, рубит на части труп, кладет их в нее и отправляется на вокзал... Корзина уже у несовизника... Но вот между прутьями корзины просачиваются капли крови... Корзину открывают... Иоселевич арестован...

В суде Иоселевич чувствует себя «героем».

Не долго длится совещание... Признан виновным... десять лет заключения со строгой изоляцией.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

«Весенней повести»

Ефима Зозули

будет напечатано в следующем № „ОГОНЬКА“

Стекло, растерзанное на квадратные клеточки небо ГУМ'а — как в «Земле» Брюсова.

Здесь — свой «городской» центр. И центр не чужд романтике, как и весь «город». Центр — фонтан.

Правда, в его бассейне не журчат упдающие водяные струи, в которых могли бы

— Даю! Беру!

И вдруг — нет. Нет людей в котелках, шляхах и котиковых колпаках. Нет этой толпы, вертящейся словно бобы в мельнице. И не шелестят цветные бумажки. Не звенят золотые кружочки.

Тишина и романтическая меланхоличность. Не спекулянты — их тени, уныло

— Цены снижены.
— Вследствие твердого курса цены снижены...

— На 10%!
— На 15%!!
— На 20%!!!
— На 25%!!!!

«Цены снижены» — это заманчиво. Это

заманчиво, конечно, не для завсегда, а для Петровки, не для обладательниц котиковых манто, не для жующих молодых людей с широковадыми пиджаками и узконосыми ботинками, с пудовыми картами на белых, как баба, пальцах...

Для них ГУМ — это: — Фи! Слишком демократично!

— Фи! Не гнаться же в самом деле за дешевой!

«Цены снижены» — это вызывает улыбку котиковой Петровки!

— Ну так что, цены снижены? Нам до этого какое дело? Нуждаемся мы, что ли?

ГУМ не для них. Год стеклянным небом ГУМ'а, на воздушных мостиках, перед простыми, под Петровки, «виринами» с конкретными ярлыками цен, вы не встретите их — обладательниц котиковых манто, скучающих молодых людей с длинными розовыми ногтями, шеншелевых мадонн с отсутствующими взорами и радио-станциями на голове вместо шляп.

И все-таки — женщины прежде всего. Помните — из «Избранных сочинений» популярного поэта:

«Нет места сомнению и думе»
Все для женщины только в ГУМ'е!»

Я не знаю, нашел ли Маяковский что-либо более сильное, но это — хорошо. Ужасно верно. Можно было бы даже целое исследование такое написать:

— Женщина и ГУМ

Какая женщина? Средняя. В самом лучшем случае — только каракулевая отделка. В самом лучшем случае — простые шевровые сапожки. Совсем — не лаковые лодочки. Совсем — не океан из котиков. Иногда даже в платочке. Чаще — в простенькой шляпке. Часто — с корзиной. Деловая женщина. Она редко останавливается перед парфюмерными магазинами. Ей нужен... Что? Мадепалан для белья? Слюнявчики для пятидесятичного детеныша?

Ночную вазу? Иголку? Куклу? Швейную машину? Десяток пирожных? Шелковые чулки? Железную сковородку? Мраморный умывальник? Шнурки для корсета?

«Нет места сомнению и думе»
Все для женщины только в ГУМ'е.»

От иголки до автомобиля, до грузовика, до трактора. Новенькими, только что выгруженными из вагонов автомобилями заполнена целая улица ГУМ'а.

Теперь уже подлинно все. Что еще?

... иногда даже в платочке... часто с корзиной...

плавать золотые рыбки. Еще недавно вместо всплесков золотых рыбок здесь (не в бассейне, но — вокруг) шелестели букеты из долларов, фунтов, червонцев.

И вместо журчания водяных струй, сладко пел томный голос:

— Червонцы! Золото! Беру! Даю!

И вместо идиллических парочек, любующихся игрой золотых рыбок в бассейне, вокруг кишели стаи людей в котелках, фетровых шляпах и котиковых колпаках:

сидят на ребрах бассейна. Уже событие — если кто-нибудь прошепчет:

— Беру!

Денежная реформа разогнала толпу вокруг фонтана. Ей более нечего делать здесь.

Но по той же причине новые толпы с другими целями вливаются в каналы гумовских улиц.

Твердая валюта — и на витринах ГУМ'а плакаты: